

*Я наблюдал нравы своего
времени и опубликовал эти письма.*

Жан-Жак Руссо.

Предисловие к «Новой Элоизе»

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Считаем своим долгом предупредить Читателей, что, несмотря на заглавие этой Книги и на то, что говорит о ней в своем предисловии Редактор, мы не можем ручаться за подлинность этого собрания писем и даже имеем весьма веские основания полагать, что это всего-навсего Роман.

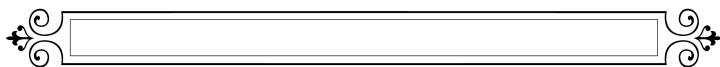
Сдается нам также, что Автор, хотя он, казалось бы, стремится к правдоподобию, сам нарушает его, и притом весьма неуклюжим образом, из-за времени, к которому он приурочил изложенные им события. И впрямь, многим из выведенных у него действующих лиц свойственны нравы настолько дурные, что просто невозможно предположить, чтобы они были нашими современниками, жили в век торжества философии, когда распространяющееся повсюду просвещение сделало, как известно, всех мужчин столь благородными, а всех женщин столь скромными и благонравными.

Мнение наше, следовательно, таково, что, ежели события, описанные в этом Сочинении, и являются в какой-то мере истинными, они могли произойти лишь в каких-то иных местах или в иные времена, и мы строго порицаем Автора, который, видимо, поддался соблазну как можно больше заинтересовать Читателя, приблизившись к своему времени и к своей стране, и потому осмелился изобра-

зять в наших обличьях и среди нашего быта нравы, нам до такой степени чуждые.

Во всяком случае, мы хотели бы, насколько возможно, оградить слишком доверчивого Читателя от каких-либо недоумений по этому поводу и потому подкрепляем свою точку зрения соображением, которое высказываем тем смелее, что оно кажется нам совершенно бесспорным и неопровержимым: несомненно, одни и те же причины должны приводить к одним и тем же следствиям, а между тем в наши дни мы что-то не видим девиц, которые, обладая доходом в шестьдесят тысяч ливров, уходили бы в монастырь, а также президентш, которые, будучи юными и привлекательными, умирали бы от горя.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Что Сочинение, или, вернее, это Собрание писем, Читатели, возможно, найдут слишком обширным, а между тем оно содержит лишь незначительную часть той переписки, из которой оно нами извлечено. Лица, которым она досталась, пожелали опубликовать ее и поручили мне подготовить письма к изданию, я же в качестве вознаграждения за свой труд попросил лишь разрешения изъять все то, что представлялось мне излишним, и постарался сохранить только письма, показавшиеся мне совершенно необходимыми либо для понимания событий, либо для развития характеров. Если к этой несложной работе прибавить размещение избранных мною писем в определенном порядке — а порядок этот был почти всегда хронологический — и еще составление немногих кратких примечаний, большей частью касающихся источников тех или иных цитат или обоснования допущенных мною сокращений, то к этому и сведется все мое участие в данном Сочинении. Никаких иных обязанностей я на себя не принимал.¹

¹ Должен также предупредить, что я исключил или изменил имена всех лиц, о которых идет речь в этих письмах, и что ежели среди имен, мною придуманных, найдутся принадлежащие кому-либо, то это следует считать моей невольной ошибкой и не делать из нее никаких выводов.

Предлагал я сделать ряд более существенных изменений, позаботиться о чистоте языка и стиля, далеко не всегда безупречных. Добивался также права сократить некоторые чересчур длинные письма — среди них есть и такие, где говорится без всякой связи и почти без перехода о вещах, никак друг с другом не вяжущихся. Этой работы, согласия на которую я не получил, было бы, разумеется, недостаточно, чтобы придать Произведению подлинную ценность, но она, во всяком случае, избавила бы Книгу от некоторых недостатков.

Мне возразили, что желательнее было обнародовать самые письма, а не какое-то Произведение, по ним составленное, и что, если бы восемь или десять человек, принимавших участие в данной переписке, изъяснялись одинаково чистым языком, это противоречило бы и правдоподобию и истине. Я, со своей стороны, заметил, что до этого весьма далеко и что, напротив, ни один автор данных писем не избегает грубых, напрашивающихся на критику ошибок, но на это мне отвечали, что всякий рассудительный Читатель и не может не ждать ошибок в собрании писем частных лиц, если даже среди опубликованных доньше писем различных весьма уважаемых авторов, в том числе и некоторых академиков, нет ни одного вполне безупречного по языку. Доводы эти меня не убедили, — я полагал, как и сейчас еще полагаю, что приводить их гораздо легче, чем с ними соглашаться. Но здесь я не был хозяином и потому подчинился, оставив за собою право протестовать и заявить, что держусь противоположного мнения. Сейчас я это и делаю.

Что же касается возможных достоинств данного Произведения, то, пожалуй, по этому вопросу мне высказываться не следует, ибо мое мнение не должно и не может иметь влияния на кого бы то ни было. Впрочем, те, кто,

приступая к чтению, любит знать хотя бы приблизительно, на что им рассчитывать, те, повторяю, пусть читают мое предисловие дальше. Всем прочим лучше сразу же перейти к самому Произведению: им вполне достаточно и того, что я пока сказал.

Должен прежде всего добавить, что, если — охотно в этом признаюсь — у меня имелось желание опубликовать данные письма, я все же весьма далек от каких-либо надежд на успех. И да не примут этого искреннего моего признания за наигранную скромность Автора. Ибо заявляю столь же искренне, что, если бы это Собрание писем не было, на мой взгляд, достойным предстать перед читающей публикой, я бы не стал им заниматься. Попытаемся разъяснить это кажущееся противоречие.

Ценность того или иного Произведения заключается в его полезности, или же в доставляемом им удовольствии, или же и в том и в другом вместе, если уж таковы его свойства. Но успех отнюдь не всегда служит показателем достоинства, он часто зависит более от выбора сюжета, чем от его изложения, более от совокупности предметов, о которых идет речь в Произведении, чем от того, как именно они представлены. Между тем в данное Собрание, как это явствует из заглавия, входят письма целого круга лиц, и в нем царит такое разнообразие интересов, которое ослабляет интерес Читателя. К тому же почти все выражаемые в нем чувства лживы или притворны и потому способны вызвать в Читателе лишь любопытство, а оно всегда слабее, чем интерес, вызванный подлинным чувством, а главное, в гораздо меньшей степени побуждает к снисходительной оценке и весьма чутко улавливает всякие мелкие ошибки, досадно мешающие чтению.

Недостатки эти отчасти, быть может, искупаются одним достоинством, свойственным самой сущности данно-

го Произведения, а именно, разнообразием стилей — качеством, которого Писателю редко случается достигнуть, но которое здесь возникает как бы само собой и, во всяком случае, спасает от скуки однообразия. Кое-кто, пожалуй, оценит и довольно большое количество наблюдений, рассеянных в этих письмах, наблюдений либо совсем новых, либо малоизвестных. Вот, полагаю, и все удовольствие, какое от них можно получить, даже судя о них с величайшей снисходительностью.

Полезность этого Произведения будет, может быть, оспариваться еще больше, однако, мне кажется, установить ее значительно легче. Во всяком случае, на мой взгляд, разоблачить способы, которыми бесчестные люди портят порядочных, значит оказать большую услугу добрым нравам. В Сочинении этом можно будет найти также доказательство и пример двух весьма важных истин, которые находятся, можно сказать, в полном забвении, если исходить из того, как редко осуществляются они в нашей жизни. Первая истина состоит в том, что каждая женщина, соглашающаяся вести знакомство с безнравственным мужчиной, становится его жертвой. Вторая — в том, что каждая мать, допускающая, чтобы дочь ее оказывала какой-либо другой женщине больше доверия, чем ей самой, поступает в лучшем случае неосторожно. Молодые люди обоего пола могут также узнать из этой Книги, что дружба, которую, по-видимому, так легко дарят им люди дурных нравов, всегда является лишь опасной западней, роковой и для добродетели их, и для счастья. Однако все хорошее так часто употребляется во зло, что, не только не рекомендуя молодежи чтение настоящей Переписки, я считаю весьма существенным держать подобные Произведения подальше от нее. Время, когда эта именно Книга может уже не быть опасной, а, наоборот, приносить пользу, очень хорошо

определила некая достойная мать, выказав не простую рассудительность, но подлинный ум. «Я считала бы, — сказала она мне, ознакомившись с этой рукописью, — что окажу настоящую услугу своей дочери, если дам ей ее прочесть в день ее замужества». Если все матери семейств станут так думать, я буду вечно радоваться, что опубликовал ее.

Но, даже исходя из столь лестного предположения, мне все же кажется, что это Собрание писем понравится немногим. Мужчинам и женщинам развращенным выгодно будет опорочить Произведение, могущее им повредить. А так как у них вполне достаточно ловкости, они, возможно, привлекут на свою сторону ригористов, возмущенных картиной дурных нравов, которая здесь изображена.

У так называемых вольнодумцев не вызовет никакого сочувствия набожная женщина, которую именно из-за ее благочестия они будут считать жалкой бабенкой, люди же набожные вознегодуют на то, что добродетель не устояла и религиозное чувство не оказалось достаточно сильным.

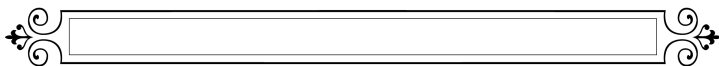
С другой стороны, людям с тонким вкусом покажется противным слишком простой и неправильный стиль многих писем, а средний читатель, убежденный, что все напечатанное есть плод писательского труда, усмотрит в иных письмах вымученную манеру Автора, выглядывающего из-за спины героев, которые, казалось бы, говорят от своего имени.

Наконец, может быть высказано и довольно единодушное мнение, что все хорошо на своем месте и что если чрезмерно изысканный стиль писателей действительно лишает естественного изящества письма частных людей, то небрежности, которые зачастую допускаются в последних, становятся настоящими ошибками

и делают их неудобочитаемыми, когда они появляются в печати.

От всего сердца признаю, что, быть может, все эти упреки вполне обоснованны. Думаю также, что смог бы на них возразить, не выходя даже за допустимые для Предисловия рамки. Но для того, чтобы необходимо было отвечать решительно на все, нужно, чтобы само Произведение не способно было ответить решительно ни на что, а если бы я так считал, то уничтожил бы и Предисловие и Книгу.

Письмо I

*От Сесили Воланж к Софи Карне в монастырь ***ских урсулинок*

Ты видишь, милая моя подружка, что слово свое я держу и что чепчики да помпоны не отнимают всего моего времени: для тебя его у меня всегда хватит. А между тем за один этот день я видела больше всяких нарядов, чем за четыре года, проведенные нами вместе. И думаю, что при первом же моем посещении гордая Танвиль¹, которую я непременно попрошу выйти ко мне, почувствует больше досады, чем надеялась причинить нам каждый раз, когда навещала нас *in fieschi*. Мама обо всем со мной советовалась: она гораздо меньше, чем прежде, обращается со мной как с пансионеркой. У меня есть своя горничная; в моем распоряжении отдельная комната и кабинет, я пишу тебе за прелестным секретером, и мне вручили ключ от него, так что я могу запирать туда все, что захочу. Мама сказала мне, что я буду видеться с нею ежедневно в то время, когда она встает с постели, что к обеду мне достаточно быть тщательно причесанной, так как мы всегда будем одни, и что тогда она будет сообщать мне, какие часы после обеда я должна буду проводить с ней. Все остальное время в полном моем распоряжении. У меня есть моя арфа, рисование и книги, как в монастыре, с той только разницей,

¹ Воспитанница того же монастыря.

что здесь нет матери Перпетуи, чтобы меня бранить, и что стоит мне захотеть — я могу предаваться полному безделью. Но так как со мной нет моей Софи, чтобы болтать и смеяться, то я уж предпочитаю быть чем-нибудь занятой.

Сейчас еще нет пяти часов. К маме мне надо в семь — времени достаточно, было бы только что рассказывать! Но со мной еще ни о чем не заговаривали, и не будь всех приготовлений, которые делаются на моих глазах, и множества модисток, являющихся к нам ради меня, я думала бы, что вовсе и не собираются выдавать меня замуж и что это просто очередная выдумка нашей доброй Жозефины¹. Однако мама часто говорила мне, что благородная девица должна оставаться в монастыре до замужества, и раз уж она взяла меня оттуда, Жозефина как будто права.

У подъезда только что остановилась карета, и мама велела передать мне, чтобы я тотчас же шла к ней. А что, если это он? Я не одета, рука у меня дрожит, сердце колотится. Я спросила горничную, знает ли она, кто у мамы. «Да это же господин К***», — ответила она и засмеялась. Ах, кажется, это он! Я скоро вернусь и сообщу тебе, что произошло. Вот, во всяком случае, его имя. Нельзя заставлять себя ждать. Прощай, на одну минутку.

Как ты станешь смеяться над бедняжкой Сесилью! О, как мне было стыдно! Но и ты попалась бы так же, как я. Когда я вошла к маме, рядом с ней стоял какой-то господин в черном. Я поклонилась ему, как умела лучше, и застыла на месте. Можешь себе представить, как я его разглядывала! «Сударыня, — сказал он маме, ответив на мой поклон, — какая прелестная у вас барышня, и я больше чем когда-либо ценю вашу доброту». При этих словах, столь недвусмысленных, я задрожала так, что едва удержалась на ногах, и тут же опустилась в первое попавшееся кресло, вся красная и ужасно смущенная. Не успела

¹ Привратница монастыря.

я сесть — смотрю, человек этот у моих ног. Тут уж твоя несчастная Сесиль совсем потеряла голову. Я, как мама говорит, просто ошалела: вскочила с места, да как закричу... ну совсем как тогда, в ту страшную грозу. Мама расхохоталась и говорит мне: «Что с вами? Сядьте и дайте этому господину снять мерку с вашей ноги». И правда, милая моя, господин-то оказался башмачником! Не могу и передать тебе, какой меня охватил стыд; к счастью, кроме мамы, никого не было. Думаю, что когда я выйду замуж, то пользоваться услугами этого башмачника не стану. Согласись, что мы необыкновенно искусно разбираемся в людях. Прощай, уже скоро шесть, и горничная говорит, что пора одеваться. Прощай, дорогая Софи, я люблю тебя так, словно еще нахожусь в монастыре.

Р. С. Не знаю, с кем переслать письмо; подожду уж прихода Жозефины.

Париж, 3 августа 17...

Письмо 2

*От маркизы де Мертей
к виконту де Вальмону в замок****

Возвращайтесь, любезный виконт, возвращайтесь. Что вы делаете и что вам вообще делать у старой тетки, уже завещавшей вам все свое состояние? Уезжайте от нее немедленно; вы мне нужны. Мне пришла в голову замечательная мысль, и я хочу поручить вам ее осуществление. Этих немногих слов должно быть вполне достаточно, и вы, бесконечно польщенный моим выбором, должны были бы уже лететь ко мне, чтобы коленопреклоненно выслушивать мои приказания. Но вы злоупотребляете моей благосклонностью даже теперь, когда она вам уже не нужна. Мне же остается выбирать между постоянным ожесточением про-